

Обычно Хань Линь отличался ледяным спокойствием, и никто ещё не ухитрялся довести его до такого бешенства. Он даже не помнил, как вернулся в класс. Стоило сесть за парту, как пальцы, сжимавшие ручку, задрожали.

Сун Чэн то и дело оборачивался, бросая на него обеспокоенные взгляды. Любому было ясно, что учебный староста сам не свой. И только Линь Цзунцзе, словно начисто лишённый глаз и зачатков эмпатии, продолжал без умолку жужжать над самым ухом.

— Хань Линь, ты как? Всё нормально?

— Если тебе совсем хреново, я могу «скорую» вызвать.

— Слышь, а чего у тебя руки так ходуном ходят? Я тут в Байду вбил — при инфарктах вроде ладони трястись не должны.

Чёрт его знает, прикидывался этот придурок или действительно был клиническим идиотом, но он явно вознамерился свести со свету несчастного старосту. Линь Цзунцзе бубнил без малого два урока подряд. Хань Линя спасало лишь то, что он не привык распускать руки (да и в драке против этого бугая у него всё равно не было ни единого шанса). Не будь староста столь сдержан, тот вряд ли сидел бы сейчас в целости и сохранности, подперев кулаком щеку и довольно лыбясь во весь рот.

Когда в класс заглянул учебный староста из параллельного, чтобы обсудить дела, Линь Цзунцзе всё ещё продолжал свой бубнёж. Облегчённо вздохнув, Хань Линь поднялся из-за парты, намереваясь выйти в коридор. Тот тут же дёрнулся было следом, чтобы перегородить ему дорогу, но, к счастью, Сун Чэн вовремя сообразил, что пахнет жареным, и вклинился между ними:

— Президент, тут такое дело... Я в этой задачке застрял, глянь свежим взглядом, а?

Это своевременное вмешательство, без преувеличения, предотвратило Третью мировую.

Не перехвати Сун Чэн руку босса, собиравшегося вцепиться в Хань Линя, тот наверняка впечатал бы увесистый учебник прямо в эту ухмыляющуюся физиономию.

Проводив Хань Линя взглядом, Линь Цзунцзе недовольно повернулся к однокласснику и раздражённо буркнул:

— Ты какого хрена творишь?

— Президент, у тебя с головой всё в порядке? Что ты опять с ним сделал? Он же на тебя смотрел так, словно прибить готов.

— Он? Меня прибить? — Линь Цзунцзе изумлённо уставился на него. — Да с какого перепугу? Я к нему со всей душой, забочусь, блядь, а он драться лезет?

— Да ладно тебе. Ты зачем его утром при всех на руки сгрёб и потащил куда-то?

— Так у него же сердце прихватило!

— ...

— Да блин, я реально подумал, что у него приступ!

Сун Чэн вовремя огляделся по сторонам и, убедившись, что на них никто не смотрит, наклонился ближе:

— Ты debil? Если у человека инфаркт, его везут в реанимацию, а не тащат на закорках в школьный медпункт к полусонной медсестре!

— Так он сам орал, что всё нормально! Да и выглядел вроде терпимо. Но с сердцем-то шутики плохи, надо же было врачу показаться? Случись с ним что по дороге, кто бы потом за это отвечал?

— Ладно, тут логика есть, — согласился Сун Чэн, кивнув. — А дальше-то что стряслось? Из-за одной только пробежки до медпункта он бы так не бесился.

— Ну... Он брыкался и требовал, чтобы я его опустил. Я сказал, что не отпущу, пока он не обзовёт меня debilом. Он спросил, больной ли я. Ну я и выдал, что болен им. А он после этого... короче, сам видел. Слушай, а почему вы мне вообще не сказали, что у Хань Линя большое сердце?

Сун Чэн завис на пару секунд. В этот момент он смотрел на своего предводителя точно таким же взглядом, каким утром его одарил Хань Линь. Сначала парень тихо хмыкнул, затем сочувственно покачал головой и, похлопав Линь Цзунцзе по плечу, вынес вердикт:

— Насчёт сердца старосты я без понятия, а вот у тебя, Президент, с башкой точно не всё в порядке.

Диагноз «клинический идиот» официально подтвердился во второй раз.

Бегать с потянутой ногой Линь Цзунцзе не мог, но лёгкая разминка и растяжка ему не вредили. Хань Линь, судя по всему, намеренно его избегал — за всю вторую половину дня он так ни разу и не появился в поле зрения. Без него сидеть в душном классе стало совершенно невыносимо. Линь Цзунцзе исвздыхался весь, извертелся на стуле и в конце концов, плюнув на

всё, ушёл на стадион проводить наставника Ляо.

После хорошей разминки затёкшие мышцы приятно расслабились. Пристроившись на бетонных ступеньках трибуны, Линь Цзунцзе принялся лениво разглядывать свою перебинтованную голень. Подошедший Ляо Вэй молча протянул ему запотевшую бутылку ледяной минералки.

«Вот это я понимаю — нормальное мужское пойло. А то этот зануда Хань Линь вечно со своей тёплой водичкой носитя...»

Погода стояла отличная, солнце приятно припекало кожу. Линь Цзунцзе, обожавший греться на солнышке, с благодарностью принял бутылку, запрокинул голову и в несколько жадных глотков осушил её наполовину.

Ляо Вэй присел рядом, щурясь от яркого света.

— Тебе же вроде целый месяц освобождения дали, чтобы ногу залечить? Какого чёрта ты в школе ошиваешься?

— В классе дышать нечем, тоска зелёная.

— Да ладно? А предыдущие несколько дней ты как-то терпел.

Предыдущие дни? Линь Цзунцзе озадаченно почесал затылок. Ну так то были предыдущие дни, когда Хань Линь сидел рядышком, а сегодня тот демонстративно его игнорировал.

— Твои сегодняшние подвиги уже вся школа обсуждает, — усмехнулся Ляо Вэй. — Докопался до старосты из девятого класса так, что у парня чуть сердце не остановилось. Ну ты и наглец. Тебя из-за широкого кармана в шутку Президентом зовут, а ты, походу, реально возомнил себя всемогущим боссом мафии, которому закон не писан?

— Какого хера?! Это я-то его обидел? Кто эту чушь несёт?!

— Говорят, ты его довёл до того, что он прямо посреди коридора пену пустил. Пришлось на «скорой» увозить, еле откачали в реанимации.

Линь Цзунцзе уставился на тренера с такой гаммой чувств на лице, что это заслуживало отдельной картины.

— Охренеть истории... Хочешь, я тебе тоже один секрет раскрою?

Ляо Вэй с любопытством подался вперёд:

— Ну-ка?

— Насчёт Хань Линя я не уверен, но вот тебя через пару минут точно придётся откачивать.

С этими словами Линь Цзунцзе демонстративно и очень многозначительно хрустнул костяшками пальцев.

— Эй-эй, полегче! — Ляо Вэй со смехом отмахнулся. — За что купил, за то и продаю! Сплетни по школе гуляют — одна краше другой. Кое-кто вообще божится, будто вы с ним с утра на стадионе друг другу патлы рвали в рукопашной. Я тебе ещё самую приличную версию пересказал, опустив подробности.

— Какая сука распускает эти бредни?

— Да ладно тебе, колись давай, что у вас там произошло?

— Знаешь, почему в фильмах всякие второстепенные персонажидохнут первыми?

— Почему?

— Потому что слишком много суют свой нос куда не надо.

Ляо Вэй хмыкнул, качая головой.

— Ладно-ладно, куда уж нам, простым смертным, лезть в дела великого господина Президента. Затыкаюсь.

Он уже поднялся, собираясь уходить, но Линь Цзунцзе окликнул его:

— Куда пошёл? А ну сядь обратно, я ещё не всё спросил.

— Опа. И каков характер консультации? Любовные драмы, душевные излияния или просто понять? Учти, у меня тарифы строгие, зависят от сложности случая.

Линь Цзунцзе поднял один палец:

— С меня поляна. Месяц вожу тебя на шашлыки.

— По рукам!

Они скрепили сделку смачным шлепком ладоней, и тренер снова развалился на ступеньках рядом с парнем.

— Короче, дело тут не во мне... Один мой знакомый... Ну, в общем... — Линь Цзунцзе в замешательстве поскрёб затылок, а затем с предельно серьёзной миной уставился на Ляо Вэя:
— Ты фильм «Горбатая гора» смотрел?

— Ну смотрел, и чё? — равнодушно пожал плечами тот.

— И как ты относишься... ну, к этой теме?

— Да никак не отношусь. Каждый дрочит, как он хочет. Какая разница, кто кого любит, не мне же с ними спать, — Ляо Вэй выудил из кармана две конфеты, одну закинул себе в рот, а вторую бросил собеседнику. — А что? Ты, что ли, гомофоб?

— Да нет, с чего бы...

— Тогда какого...

На полуслове Ляо Вэй осёкся, и на его лице проступил дикий, неподдельный ужас. Поняв, что сморозил глупость и выдал себя с головой, Линь Цзунцзе лихорадочно заговорил, пытаясь придумать оправдание, но не успел он издать и звука, как тренер нагнулся к нему и заговорщицки зашептал:

— Твою мать... Неужто на тебя какой-то парень позарился? Кто этот бедолага?

Линь Цзунцзе лишился дара речи.

— погоди, — продолжал строить догадки Ляо Вэй. — Это тот пловец из шестой команды, который вольным стилем плавает? Я давно затылком чуял, что он на тебя как-то странно косится. Ты когда на поле круги нарезал, он вечно из окна высовывался и пялился.

У Линь Цзунцзе от такой проницательности даже челюсть слегка отвисла.

— К-кто? Какой ещё пловец?

— Ну этот, как его... Су... как-то там. Блин, он тебе реально признался, что ли?

— Да нет же!

— А кто тогда? Из твоего девятого класса? Тот малый, который за тобой хвостиком бегают и заглядывают в рот с этим своим «Президент, Президент»?

Глядя на то, как приятель при слове «сплетни» оживился, Линь Цзунцзе мгновенно осознал: если он сейчас заикнётся про Хань Линя, то живым отсюда не уйдёт.

Он бесцеремонно отпихнул Ляо Вэя ладонью и выругался:

— Дебил, я же сказал — у знакомого проблемы! У знако-мо-го!

— Да ладно заливать, — хмыкнул тот. — Знаем мы этих твоих «знакомых». Классика жанра.

— Не веришь — и хрен с тобой.

Линь Цзунцзе закатил глаза и уже дёрнулся было встать, но Ляо Вэй мёртвой хваткой вцепился ему в рукав, усаживая обратно.

— Ладно, не кипятись. Не хочешь — не рассказывай. Но ты мне зубы не заговаривай, когда там у нас первый сеанс шашлычной терапии?

— Да хоть прямо сейчас. Собирай народ.

— Кого именно?

— Да всю нашу сборную зови, чего мелочиться. Пойдём пожрём нормально.

Линь Цзунцзе небрежно сунул подаренную конфету в карман олимпийки. Его брошенная вскользь фраза заставила Ляо Вэя подпрыгнуть на месте от восторга.

Шутка ли — прокормить ораву из десяти здоровых легкоатлетов, у каждого из которых рост под метр девяносто и аппетит как у стада бизонов после изнурительных сборов. А тут целый месяц халявного мяса на углях! На такую сумму можно неплохой подержанный автомобиль купить.

Схватив благодетеля за руку, Ляо Вэй счастливо уставился на него:

— Генеральный директор Линь, клянусь, ты самый лучший и щедрый босс во всей этой грёбаной вселенной!

Линь Цзунцзе снова куда-то смылся. Вернувшись в класс, Хань Линь на мгновение замер перед пустующей соседней партой, но на удивление ничего не спросил и ни слова не проронил.

Словно и не было никакого беспокойного соседа, он молча сел на своё место и уткнулся в тетради.

Вот только сосредоточиться сегодня никак не получалось. В обычной школьной работе на восемьсот иероглифов он умудрился насажать кучу глупейших ошибок. А уж когда дело дошло до подписи бланка... Хань Линь очнулся лишь тогда, когда обнаружил, что в графе «Имя» аккуратным почерком выведено: «Линь Цзунцзе».

Сначала он хотел просто замазать это недоразумение чёрной ручкой, но панический страх быть пойманным с поличным взял верх. Оглядевшись по сторонам, словно матёрый преступник, Хань Линь яростно скомкал лист в кулаке и швырнул его в мусорное ведро.

Сосед по парте так и не соизволил явиться до конца уроков, так что бумага для заметок с домашним заданием на его столе сиротливо пустовала. Зажав в левой руке список параграфов, а в правой — телефон с наполовину набранным сообщением, парень промучился в нерешительности добрых полчаса. В конце концов он со злостью смял бумажку и стёр недописанный текст.

Да пошло оно всё к чёрту. Пусть делает что хочет, больно надо возиться с этим придурком.

Собирая портфель, Хань Линь так гроыхнул стулом, что эхо прокатилось по всему опустевшему классу.

В обесточенном школьном корпусе царил полумрак. Небо затянули тучи, скрыв и луну, и звёзды, погрузив мир вокруг в тягучую, липкую темноту. И лишь у самого выхода на асфальт падал тусклый, грязно-жёлтый свет одинокого уличного фонаря, выхватывая из темноты узкую полоску дороги.

Окружающая тишина навевала тоску.

— Хань Линь!

Он как раз поднял руку, пытаясь поймать попутку у ворот. Машина ещё не успела притормозить у обочины, как из темноты за спиной раздался громкий, до боли знакомый голос.

Обернувшись и увидев приближающегося Линь Цзунцзе, парень на мгновение растерялся, не зная, как реагировать.

«Он что... ждал меня?» — эта глупая мысль промелькнула в сознании яркой вспышкой и тут же погасла, погребённая под привычным раздражением: «Вот же debil».